

О субъективно-модальном значении синтаксических конструкций (на материале предложений, строящихся по схеме $N_1 - V_f$)

ГРИГОРИЙ Я. СОЛГАНИК
(Москва)

Обладают ли синтаксические конструкции субъективно-модальным значением? Ответ на этот вопрос важен и для грамматики (синтаксиса), и для стилистики, и для лингвистики текста, и для других языковедческих дисциплин. Термин *модальность*, традиционно использовавшийся в синтаксисе, в настоящее время применяется в лексикологии и фразеологии, в морфологии, словообразовании, лингвистике текста. Это отражает стихийный процесс превращения модальности в общезыковую категорию, что, по-видимому, соответствует ее природе и сущности. Действительно, внимательное исследование языка обнаруживает присутствие субъективной модальности (в дальнейшем ради краткости будем говорить о модальности, имея в виду субъективную модальность - отношение говорящего к содержанию высказывания) на всех его уровнях. В лексике это разветвленная система оценочности (о соотношении модальности и оценочности см. ниже), в морфологии - вводно-модальные слова, частицы, междометия и др. Даже в семантике падежей проявляются модальные значения (Клобуков 1980). Многообразное проявление модальности во всех звеньях языковой системы свидетельствует об универсальности этой категории, о важности ее для понимания устройства и сущности языка.

Среди всех уровней языка наименее изучен с точки зрения выражения субъективной модальности синтаксис предложения. В грамматиках (ака-

демических, вузовских), в пособиях и руководствах описывается обычно диктальная, объективная семантика - отношение предложения к действительности, то, как предложение отражает ситуацию. И совершенно не затрагивается, как правило, субъективный, модальный компонент значения, составляющий важный слой общей синтаксической семантики предложения.

В настоящей статье мы постараемся раскрыть модальное значение двусоставных предложений, строящихся по структурной схеме $N_1 - V_f$, показать направление, методы и возможности подобного анализа. Исчерпывающее же изучение в этом плане синтаксиса предложения (других структурных схем) составляет важную задачу будущих исследований.

Предварительный теоретический анализ приводит к выводу, что любая конструкция предложения в той или иной степени модальна. Системность языка определяется, во-первых, закономерным, системным характером отражения действительности (предметов, явлений, связей между ними), во-вторых, тем, что все языковые процессы (номинация, предикация и др.) осуществляются с точки зрения коллективного языкового сознания, в конечном счете - с точки зрения говорящего. Эти два аспекта системности тесно взаимосвязаны и одинаково важны для понимания природы и сущности языка. Однако второй аспект (организация языка с точки зрения говорящего) только начинает разрабатываться. Дальнейшие исследования в этом направлении, представляющиеся весьма перспективными, призваны показать системный (в плане модальности) характер организации всех уровней языка и языковой системы в целом.

Язык обращен к миру вещей и к человеку, находящемуся в центре языка. Языковая система устроена так, чтобы говорящий (пишущий) мог высказать любое суждение о действительности. Но это обязательно предполагает выражение отношения говорящего к содержанию высказывания. Говорящий должен располагать возможностями оценивать и субъект, и предикат, и объект, и другие компоненты, составляющие семантическую структуру высказывания.

Моделируя ситуацию, предложение отражает и позицию субъекта речи в этой ситуации. Конструкции, отражающие обобщенно ситуации, фрагменты действительности, фиксируют и точку зрения, позицию отражающего мир человека. Однако позиция для субъекта речи (говорящего) в традиционных моделях смысловой структуры предложения обычно не предусматривается, и таким образом игнорируется принципиальная двуп-

лановость смысловой стороны предложения. Семантика же предложения без модального компонента предстает неполной и потому ущербной. Обратимся к анализу двусоставных предложений типа *Ученик пишет; Завод работает; Ребенок радуется; Народ негодует*. Они отражают ситуацию, обобщенной моделью которой является структурная схема $N_1 - V_f$. Общая семантика этих предложений - отношение между субъектом и его предикативным признаком - действием или процессуальным состоянием (*Русская грамматика* 1980). Компонентами семантической структуры этих предложений, отражающей ситуацию, являются субъект, с одной стороны, и выполняемое им действие или испытываемое им состояние, с другой стороны. Таков денотативный, или диктальный, по терминологии Ш. Балли, план предложения, его объективная семантика.

Но данная характеристика значения неполна, так как не отражает позицию субъекта речи. Ведь все приведенные выше предложения, как и вообще любые предложения, произносятся, пишутся говорящим, производителем речи. Субъект речи, выраженный или не выраженный, эксплицитный или имплицитный (подразумеваемый), - неперемный компонент семантической структуры любого высказывания, так как речь невозможна без ее производителя, субъекта. Субъект речи, говорящий, находится в определенной позиции, отношении к отображаемой в предложении ситуации. В анализируемых предложениях говорящий в самой структурной схеме не присутствует, не выражен, но он подразумевается, находится "за кадром". Однако отсутствие эксплицитного субъекта речи значимо. *Ученик пишет* подразумевает: "Я вижу (Мне кажется, я уверен и т. д.), что ученик пишет". Позиция говорящего в этих предложениях - это позиция стороннего наблюдателя. Модальное значение этих предложений: "Говорящий описывает ситуацию со стороны". Иными словами, говорящий находится не внутри ситуации, а вне ее, изображает ее остраненно, объективно, не обнаруживая своего присутствия. Это подчеркнуто объективированное отображение ситуации. Подразумевается, что и любой другой на месте говорящего описал бы эту ситуацию точно так же. Синтаксическая форма подчеркивает объективированность отображения, но не исключает полностью и субъективную точку зрения, стремящуюся как бы к нулю.

Источник модального значения конструкции предложения - не только двусоставного, но вообще любого - субъект речи, степень его участия (выраженности) в высказывании, его соотношение с диктальной семантикой, с элементами семантической структуры высказывания. Это видно, в

частности, из такого сопоставления: Ученик пишет - я пишу. В первом предложении говорящий описывает действие, производимое другим лицом - учеником. Ситуация представлена как объективированная, со стороны. Во втором - говорящий называет действие, которое совершает сам. Говорящий находится в центре ситуации, субъект речи и субъект действия совпадают. Это не стороннее описание действия, а его воспроизведение в момент речи. Модальность высказывания резко возрастает. В принципе структурные схемы предложения можно было дополнить компонентом субъект речи (S_r), например: [S_r]: $N_1 - V_f$. Но в этом нет необходимости, так как он и так подразумевается во всех структурных схемах. Реально же присутствие субъекта речи обнаруживается в предложениях, строящихся по той или иной структурной схеме.

Участие субъекта речи в высказывании, вносящее в него значение модальности, проявляется многообразно и зависит от многих факторов. На уровне структурной схемы можно говорить лишь о потенциальном, хотя и универсальном характере модальности. Реальное же функционирование предложений, строящихся по той или иной структурной схеме, в том числе и $N - V_f$, активизируют модальность. К факторам актуализации следует отнести в первую очередь способы (средства) выражения субъекта и предиката высказывания, распространение структурной схемы, лексическое наполнение главных и второстепенных членов предложения (прежде всего речь идет об оценочной лексике). Рассмотрим в таком порядке факторы, определяющие модальность высказывания. Позицию N_1 (подлежащего, субъекта), в соответствии со структурной схемой, может занимать любой субстантив. Однако с точки зрения модальности наиболее важное значение имеет замещение позиции подлежащего местоимением *Я* и другими личными местоимениями.

Русская грамматика (*Русская грамматика* 1980) приводит целый список средств выражения субъективной модальности: интонационные конструкции, частицы, вводные слова и группы слов, междометия. Однако в этом перечне отсутствует главное средство выражения субъективной модальности - местоимение *Я*. Если субъективная модальность, по определению, есть отношение говорящего к сообщаемому, то естественно, что говорящий, называющий себя *Я*, - главный носитель субъективно-модального отношения. *Я* - центр поля субъективной модальности, объединяющий все эти разнообразные средства в систему, придающий им жизнь. И междометия, и вводные слова, и частицы, и другие средства выражают

субъективно-модальное значение благодаря непосредственной связи с Я (говорящим).

Я в позиции подлежащего делает предложение открыто (и максимально) модальным. Я - говорящий, поэтому и отношение его к сообщаемому выражается непосредственно. Я пишу (*говорю, работаю, думаю* и т.д.). Говорящий называет (описывает) действие, которое он производит, или состояние, субъектом которого он является. Действие и описание его совпадают - сосредоточены в одном и том же глаголе. Поэтому действие говорящего и есть его отношение к содержанию высказывания. Будучи средоточием, центром поля модальности, Я вносит в любое предложение, текст сильное и открытое модальное значение, связанное с участием говорящего. Особенно рельефно модальность таких предложений ощутима в потоке речи, на фоне других предложений (без я), когда появление Я в позиции субъекта меняет план изложения на субъективно-модальный. Например: *Был душный вечер. Лодка тихо скользила вдоль берега. Вдали я заметил одинокий парус.*

Суть модального значения, вносимого я - подлежащим в предложение, заключается в том, что говорящий находится в центре ситуации, отображаемой в предложении, является не сторонним наблюдателем, а активным участником - производителем действия или субъектом состояния. Во всех остальных предложениях структуры $N_1 - V_f$ говорящий (я) находится вне отображаемой ситуации и является сторонним наблюдателем. Вот почему я - подлежащее резко меняет модальный статус предложения.

Учитывая сказанное, с точки зрения модальности все подлежащно - сказуемые предложения можно разделить на два больших класса: предложения с подлежащим, выраженным я, и остальные предложения (без я), условно - я-предложения и он-предложения. С точки зрения модальности между ними принципиальное различие.

В рамках информативно-эпрессивного подстиля (газет - Г. С.) существуют два противоположных друг другу, противопоставленных типа субъекта - "я"-субъект и "он"- субъект. Я-субъект выступает создателем ситуации, [...] создает в тексте особое представление референтной ситуации, в частности, представляет свою версию описываемого. "Я"- субъект выступает обязательно как говорящий и тем самым действующий субъект, у него есть свое внутреннее "Эго", о качестве которого читающий, как правило, осведомлен, наконец "я" - говорящий ориентируется на некоторого арбитра (аудиторию), и эта аудитория размещается вовне дискурса". "Он"- субъект включен в ситуацию, созданную

“я”-субъектом. “Он”- субъект не всегда выступает как говорящий, не всегда реализует ту или иную интенцию. [...] “Он”- субъект имеет свое внутреннее “эго”, о котором читающий часто ничего не знает (цели “он”-субъекта, его искренность и т. д.). “Он”- субъект ориентируется на арбитра (аудиторию), который может быть расположен как вовне дискурса, так и внутри его” (Науменко 1990).

Если расположить *я*- и *он*-предложения по степени модальности, то они займут противоположные полюсы шкалы: наивысшей модальностью обладают *я*-предложения, наименьшей - *он*-предложения. В промежутке располагаются виды предложений, тяготеющих к тому или иному полюсу. Так, к полюсу наивысшей эксплицитной модальности приближаются предложения, субъект которых выражен словосочетаниями с притяжательными местоимениями *мой* (*Мой доклад назначен на вторник*), предложения с субъектом *мы* (степень модальности несколько ослабляется, говорящий включает себя в некоторое множество). К предложениям с косвенными средствами выражения модальности следует отнести предложения с субъектом *ты* (*мы*) и соответственно с субъектом, выраженным словосочетаниями с притяжательными местоимениями *твой*, *ваш*. Местоимения *ты* и *я* настолько тесно координированы в языке, что *ты* вызывает представление о *я*. “Ты” может сказать только говорящий.

Широко распространены предложения, модальность которым придает оценочная лексика, в частности в позиции субъекта, например: *Агрессор раздумывает*. Разумеется, слово агрессор выражает оценку. Оценка же принадлежит говорящему, который квалифицирует субъект действия (состояния) как агрессивный. Говорящий выражает свое отношение к содержанию высказывания, то есть субъективно-модальное значение.

“Оценку, - пишет Е.М. Вольф, - можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения. Высказывания, включающие оценку или другие модальности, содержат дескриптивную компоненту и недескриптивную, то есть модальную компоненту, причем первая описывает одно или несколько положений дел, а вторая высказывает нечто по их поводу” (Вольф 1985: 10).

По отношению к субъективной модальности оценка предстает как видовое понятие. Субъективная модальность, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания, включает в себя и оценочное отношение (истинность / неистинность, важность / неважность, хорошо / плохо

и др.). Специфика же оценки заключается часто в непрямом выражении модальности, косвенно обнаруживающей присутствие субъекта речи.

“Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, то есть то лицо (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, то есть тот предмет или явление, к которому оценка относится” (Вольф 1985).

Для формирования и проявления модальности в предложениях структурной схемы $N_1 - V_f$ наряду с субъектом большое значение имеет и предикат (способы его выражения). С точки зрения степени модальности здесь прежде всего выделяются высказывания со сказуемыми - глагольными формами 1-го лица настоящего времени, тождественные я-предложениям и непосредственно обнаруживающие говорящего: *Сижу задумчив и один...* (Тютчев).

К специфическим для модальных высказываний следует также отнести предикаты *считать, полагать, казаться, чувствовать (себя)* и их свернутые аналоги: *по-моему, по мнению кого-либо* и др. Такие предикаты вводят в высказывание открытую субъективность, указывают на присутствие оценивающего субъекта: *Она считается (кажется мне) хорошим специалистом*. Важную роль играют и косвенные формы личного местоимения 1-го лица, непосредственно называющие субъект восприятия (*мне*). К способам косвенного выражения модальности в предикатах следует отнести использование оценочной лексики. Оценка как один из основных аспектов взаимодействия человека с внешним миром особенно естественна при характеристике действия. Способы обозначения действия как объекта оценки во многом определяются семантикой оценочных лексем. Характерно при этом, что оценка действия является одновременно оценкой элемента ситуации и самой ситуации (см.: Хрящева 1996). Например: *Я люблю над покосной стоянкою слушать вечером гуд комаров* (Есенин).

Однако предикат может не содержать оценочных лексем и вносить при этом модальность в высказывание. Можно полагать, как справедливо считают некоторые исследователи, что в глубинной структуре любого высказывания (а не только оценочного суждения) содержится аксиологический предикат.

Лес шумит. Если исходить из того, что это высказывание принадлежит некоему говорящему, можно приписать цитированному предложению различные цели. Например: *Лес шумит. А вчера он был тихий, спокойный. Не к добру это.* Главное при восприятии этого высказывания, как и любого другого, - что хотел сказать говорящий? Помимо той информации, которая непосредственно содержится в предложении, оно включает в себе и речевую интенцию, намерение говорящего. Ничто не говорится просто так. Говорящий может стремиться привлечь внимание к описываемому факту, событию, вызвать какое-либо чувство, изменить что-либо в "картине мира", адресата, побудить к какому-либо действию. Это речевое намерение говорящего и составляет суть субъективной модальности высказывания, в данном случае не очень определенной из-за отсутствия контекста. Однако, эта неопределенность может входить в замысел говорящего (например, создать ту или иную атмосферу; она может характеризовать и состояние говорящего и т. д.). Позиция говорящего в этом высказывании непосредственно не выражена. Она выражена лишь фактом самого высказывания. Значение модальности (и соответственно глубинного аксиологического предиката): говорящий стремится привлечь внимание к ситуации, обозначаемой в предложении, не обнаруживая, не проявляя себя. Он как бы говорит: "Обратите внимание, это немаловажно, это может иметь последствия".

И во многих формах сказуемого, не содержащих оценочных лексем, модальность выражается. Например, сказуемое представлено таким сочетанием глагола и другой формы - имени или инфинитива, которые означают целостный признак - действие или состояние субъекта: *каштаньы зазеленели первые / первыми; обед стоял нетронутый / нетронутым.*

В картине ситуации, отражаемой предложением (*Каштаньы зазеленели*) появляется дополнительный признак (*первые / первыми*). В первом случае картина дается изолированно, во втором - в сравнении: другие деревья зазеленели (или зеленеют) позднее. Ср.: *Мальчик рос замкнутый / замкнутым* - в сравнении с другим мальчиком. Введение дополнительного признака (детализация, усложнение картины) сопровождается (так или иначе) характеристикой, сравнением, в конечном счете оценкой ситуации. Оценка же косвенно свидетельствует о более явном присутствии говорящего, о более высокой степени модальности предложения.

Аналогичный характер имеют предложения, сказуемое которых представлено сочетанием знаменательного глагола, означающего бытие, обна-

ружение, мысль, отношение, восприятие, с существительным в форме творительного падежа: *Он вообразил себя героем; Собеседник прикинулся добряком; Засуха обернулась пожаром.*

Главная семантическая нагрузка в этих предложениях падает на существительное в творительном падеже, которое играет роль опредмеченного признака (Он → герой; Собеседник → добряк; Засуха → пожар), что сближает эти предложения с предложениями первой (см. выше) группы и свидетельствует об их оценочном характере. Оценочность (модальность) возрастает, когда глагол в составе сказуемого имеет оценочный характер: *вообразил, прикинулся* и др. Ср.: *В министерстве он состоит консультантом и слывет, считается консультантом.*

Сказуемое может быть представлено сочетанием двух одинаковых личных форм разных глаголов, что характерно для экспрессивной, непринужденной речи. Сюда относятся многообразные случаи.

Например: *хохочет заливается, стоит не шелохнется, звонит – надрывается.* Модальное значение, вносимое в предложение такими сказуемыми, связано с характеризующей, квалифицирующей функцией вторых глаголов, что косвенно обнаруживает присутствие говорящего.

Модальны, как правило, сказуемые, выраженные глагольным фразеологическим сочетанием, что связано с их экспрессивностью, оценочностью. У фразеологизмов коннотативный элемент превалирует над денотативным.

“Аксиологический компонент отражает человеческий фактор в семантике единицы, входит в структуру значения подавляющего числа идиом и представляет собой важнейшую характеристику фразеологизма” (Диброва 1995; 122).

Экспрессивность, оценочность фразеологизмов предопределяет модальность предложений, в которых они используются. При этом “чем эффективней оценка, тем теснее она связана с индивидуальной позицией субъекта” (Вольф 1985: 203). По-видимому, все экспрессивно окрашенные варианты сказуемого в той или иной степени модальны, так как обнаруживают индивидуальную позицию субъекта (*Он по-немецки ни бум-бум*).

Сказуемые, представленные формой глагола, вводимой сравнительным союзом, характеризуют признак как кажущийся, подобный тому, что обозначено глаголом: *Ты словно спишь; Он будто с ума сошел; Она как будто онемела.* Модальность подобных предложений проявляется как рефлексия говорящего в определении предикативного признака.

Таким образом, предикат (сказуемое) вносит весомую лепту в модальность предложений, которая зависит от способов (средств) выражения предиката, от его лексического наполнения - прежде всего от экспрессивной, оценочной лексики.

Но не меньшее значение имеет и грамматическая (особенно временная) характеристика сказуемого. Ср.: 1) *Лес шумит* и 2) *Лес шумел*. С точки зрения модальности между предложениями в настоящем времени и в прошедшем - глубокая, принципиальная разница. В первом предложении действие совпадает с моментом речи, т. е. с моментом речи говорящего. Последний находится в той же временной ситуации, что и субъект действия, т. е. внутри нее. Можно сказать: *Послушай - лес шумит*. Но нельзя сказать: *Послушай - лес шумел*. Здесь линии говорящего и субъекта расходятся. Говорящий остается в настоящем времени, а действие субъекта относится к прошедшему. Действие не совпадает с моментом речи. Говорящий находится вне ситуации, отображаемой в предложении.

Это принципиальное различие отражается на модальности предложений. *Лес шумит* - событие изображается как непосредственно наблюдаемое (говорящим). *Лес шумел* - событие не изображается, а описывается. Уровень непосредственного наблюдения сменяется уровнем описания, обобщения. Говорящий находится вне временной ситуации и описывает ее извне, отстраненно.

Таким образом, временная ось тесно связана с модальностью: настоящее время коррелирует с субъектом речи, помещая его в ту же временную ситуацию, прошедшее - исключает его из временной ситуации. Что касается будущего времени, то оно ближе к настоящему, что объясняется реальной возможностью осуществления действия в настоящем. Можно сказать: *Послушай - лес будет шуметь*. Субъект речи (говорящий, наблюдатель) остается внутри временной ситуации. До сих пор мы рассматривали в основном нераспространенные предложения, строящиеся по схеме $N_1 - V_f$. Однако большие изменения в модальность предложений вносят распространители - детерминантные и присловные.

Для реализации структурной схемы $N_1 - V_f$ достаточно обозначить субъект и его предикативный признак. Это, как правило, максимально (но не абсолютно) объективированное предложение (за исключением, разумеется, я-предложений), например: *Плыли облака*. Любое же распространенное предложения, конкретизируя ситуацию, косвенно свидетельствует в пользу присутствия говорящего (наблюдателя). Конкретизация ситуации

- добавление признаков предметов, обстоятельств действия, деталей обстановки и т. п. - показывает, что событие, факт не только обозначаются, называются, но и описываются, изображаются с большей или меньшей полнотой. И сама полнота изображения обнаруживает присутствие наблюдателя (говорящего). Только он, наблюдатель, мог увидеть и назвать детали. Чем выше степень детализации содержания, тем модальнее предложение. Ср.: *Лес шумит и Мрачный лес шумит или Лес шумит горестно, как будто вздыхает о чем-то*. Ясно, что во втором и третьем предложениях модальность выше. Они могут принадлежать только говорящему. Еще пример (принадлежит О.И. Москальской): *Лесорубы работают и Лесорубы рубят деревья*. При общем денотативном значении предложений угол зрения в них разный. В первом случае ситуация увидена в целом (крупным планом), во втором - детализированно: говорящий показывает (видит) отдельно и субъект действия, и действие, и объект. Детализация (распространение) меняет угол зрения и соответственно смысловую структуру предложения. Структурную схему можно рассматривать как отражение обобщенной, абстрактной ситуации. Структурная схема принадлежит всем говорящим. Ее реализация и распространение - конкретному говорящему.

Русская грамматика (1980) рассматривает временные, пространственные, причинные, целевые и др. распространители-детерминанты. Однако с точки зрения модальности предложения релевантно разделение всех детерминантов на пространственные и временные. Референтом высказывания является ситуация, которую можно определить как "отрезок, часть отражаемой в языке действительности, т. е. движущейся материи" (Гак 1973: 359). "Ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний. Существуют две общих формы такой координации: пространство и время" (Там же). Детерминация - как пространственная, так и временная - значительно повышает ресурсы модальности предложения. Если исходить из антропоцентрического текстового хронотропа в определении Ю.С. Степанова, то и пространство ("я - здесь"), и время ("я - сейчас") тесно связаны с говорящим.

Пространственные детерминанты обязательно, но неявно предполагают наблюдателя. Обозначаемое в высказывании пространство вычленяется и фиксируется именно с точки зрения наблюдателя. *Над городом плыли облака*. Положение облаков отмечается по отношению к наблюдателю, находящемуся внизу. В случае пространственных детерминантов позиция

наблюдателя определяется в зависимости от предлогов, которые можно рассматривать как операторы, определяющие положение предметов в пространстве с точки зрения наблюдателя. *За лесом вставало солнце.* Наблюдатель находится перед лесом.

“Предлог перед во фразах типа *Перед деревом стоял мотоцикл* помещает мотоцикл между наблюдателем и деревом и существенно ближе к дереву, чем к наблюдателю. Предлог за во фразах типа *За деревом стоял мотоцикл* помещает дерево между мотоциклом и наблюдателем, причем расстояние от мотоцикла до дерева представляется существенно меньшим, чем расстояние от дерева до наблюдателя. Глагол *вилять* (во фразах типа *Дорога непрерывно виляла*) помещает наблюдателя непосредственно на пространственный объект, по которому он перемещается (часто на транспортном средстве); в ситуации, обозначаемой глаголом *вилься* (*Тропа живописно вилась по склону горы*) наблюдатель смотрит на пространственный объект со стороны или как бы со стороны” (Апресян 1995: 64-65).

Точно так же, как пространственные детерминанты, с позицией наблюдателя (говорящего) тесно связаны и временные детерминанты (причинные, целевые, условия, уступки и др.). “След” говорящего улавливается в том, что он объясняет, комментирует и т. п. основное событие, по отношению к которому он занимает особое положение. Объяснение условий, причин, следствий и т. п. непосредственно связано с точкой зрения говорящего (наблюдателя). Комментарий, объяснение могут принадлежать только говорящему. Это иная семантическая плоскость, иной угол зрения, по сравнению с семантической сферой основного состава подлежащно-сказуемого предложения. Детерминанты - и пространственные, и временные - находятся в семантической зоне говорящего. Не случайно детерминант находится как бы “над” событием, отдельно от него, относясь ко всему составу предложения и занимая в нем особое положение. Особый статус детерминанта можно объяснить тем, что он находится в иной семантической плоскости - зоне говорящего, правда без явных признаков его присутствия. И связь детерминанта с предложением, по-видимому, субъективно-модальной природы. Обе части предложения объединяются принадлежностью говорящему. Однако модальность детерминанта выше, отчетливее, что и выделяет его, подчеркивает его особое положение.

Присловные распространители также обладают значительными ресурсами модальности: Ср.:

1. Ученик рисует.
2. Ученик рисует собаку.
3. Ученик рисует синюю собаку.

От первого предложения к третьему повышается степень детализации, конкретизации и соответственно - модальности. В первом она минимальна (потенциальна). Ситуация обозначена в целом, объективированно. Во втором отражаемая ситуация конкретизируется: обозначен не только субъект, его действие, но и объект. Картина ситуации предстает расчлененной. Именно такой, в соответствии с целью высказывания, увидел ее наблюдатель. Любая конкретизация обобщенной, типовой ситуации обнаруживает, проявляет присутствие наблюдателя, производителя речи. Коллективный субъект речи, отражающий общеязыковой опыт, сменяется индивидуальным производителем речи (наблюдателем). Он-то и модифицирует, конкретизирует ситуацию применительно к цели высказывания. Детализация играет индивидуализирующую роль.

В третьем предложении "синюю" указывает уже более явно на присутствие наблюдателя. Именно такой увидел собаку наблюдатель. По выражению Н.Д. Арутюновой, "определение стремится индивидуализировать предмет" (Арутюнова 1982: 38). Среди присловных распространителей наибольшими модальными потенциями обладают признаковые части речи - прилагательные и наречия. Признаковая семантика наиболее очевидно проявляется именно в прилагательных, по сравнению с другими частями речи. Признаковая семантика и является источником модальности прилагательных. Прилагательные-определения конкретизируют, индивидуализируют, квалифицируют предмет, и эта характеристика, квалификация косвенно указывает на говорящего. В этой функции выступают практически все прилагательные (в том числе и относительные). Однако наибольшими модальными потенциями обладают качественные прилагательные, в том числе оценочные (хороший, плохой). "Именно качественные прилагательные вводят в высказывание прагматический аспект, включая в него оценки, исходящие от говорящего" (Вольф 1978: 9).

Как и прилагательные, наречия связаны с прагматическим аспектом высказывания - отражают позицию говорящего. Например: *Ученик старательно рисует собаку.* *Старательно* - это оценка, накладываемая на основное содержание высказывания и исходящая от говорящего.

По существу можно говорить о двух уровнях коммуникации. Наречие - это своеобразный элемент метатекста по отношению к высказыванию.

“Авторы, рассматривающие эту проблему с точки зрения соотношения семантики и прагматики, подчеркивают, что роль наречного модификатора следует понимать в рамках дифференциации семантического и прагматического аспектов высказывания, где сама фактивная фраза является семантической, в то время как наречие отражает позицию говорящего - прагматику” (Вольф 1985: 94).

С синтаксической точки зрения наречие в этих случаях относится к предложению в отличие от приглагольного наречия, определяющего только предикат. В плане модальности такие наречия сближаются с детерминантами.

Значительной степенью модальности обладают вводно-модальные слова, частицы, междометия, непосредственно выражающие позицию говорящего - его чувства (междометия), отношение к содержанию высказывания (вводно-модальные слова, частицы). И другие части речи в той или иной степени модальны. Например, предлоги, указывающие на пространственное расположение предметов, раскрывают свое значение именно благодаря присутствию наблюдателя.

Субъективная модальность, будучи универсальной категорией, охватывает все уровни языка, а в рамках морфологии все части речи. Язык обращен к внешнему миру - служит для обозначения его предметов, явлений, действий. Эту системность можно назвать внешней. Однако язык - это и система знаков, существующая для говорящего, используемая говорящим, находящимся в центре языка (я - здесь - сейчас). Обозначая, называя элементы внешнего мира, говорящий так или иначе выражает и свое отношение к ним, что получает воплощение во всех единицах языка. Это внутренняя системность, опирающаяся на отношение языковых единиц к *Я* (говорящему). Так, можно выстроить систему частей речи, в центре которой находится *Я* (говорящий). В такой системе части речи расположатся по степени субъективной модальности: личные местоимения (прежде всего *Я*, а также *мы*, *ты*) составят ядро системы. К ним будут примыкать вводно-модальные слова, частицы, междометия как непосредственные проявления *Я*. Далее расположатся прилагательные и наречия, косвенно выражающие модальность. Периферию же системы составят существительные и глаголы, обладающие потенциальной модальностью, проявляемой в зависимости от лексического выражения, от контекста и т. д. В этом плане весьма перспективно и реально создание “грамматики говорящего”, призванной изучать разнообразные проявления модальности на всех язы-

ковых уровнях и в речи, организацию языковых средств в аспекте модальности. Ср. близкую идею, высказанную в работах (Золотова 1994, Онипенко 1994). В синтаксисе, как показывает анализ предложений, строящихся по структурной схеме $N_1 - V_f$, субъективная модальность - неперенный компонент общей семантики предложений. Без субъективно-модального элемента семантика конструкции предстает неполной, односторонней, ущербной.

Любая отражаемая в языке ситуация - это ситуация, воспринимаемая человеком. Он отмечает изменение состояния (*Собака легла*), пространственное расположение предметов, характеризует положение вещей, речь, комментирует, объясняет и т. д. Человек присутствует (но необязательно проявляет себя) в любой ситуации - как наблюдатель, говорящий. Поэтому в структурную схему добавлять субъект речи нет необходимости: он присутствует имплицитно во всех структурных схемах, которые можно считать потенциально модальными.

Однако при реализации структурной схемы модальность конструкции актуализируется в зависимости от способов выражения субъекта и предиката, от характера распространения предложения, от лексического наполнения и других факторов. Изучение модального значения синтаксических конструкций важно не только для синтаксиса, но и для стилистики, для лингвистики текста (Солганик 1984). Вот, например, характерный вывод, касающийся разговорного диалога:

“Обобщенный взгляд ... позволяет сделать вывод о преимущественном значении субъективной, личностной составляющей разговорного диалога, удерживающей целостность последнего. Реальная конкретика хронотропа в сочетании с «я-тематикой» создает основу для выражения главного - индивидуальной оценки и волеизъявления по отношению к отображаемому и к собеседнику” (Матвеева 1994).

В целом изучение субъективной модальности - этой важнейшей универсальной категории - необходимо для более полного и глубокого понимания устройства языка и речи.

Литература

Апресян Ю.Д., 1995, *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*, “Вопросы языкознания”, N 1.

- Арутюнова Н.Д., 1982, *Функции определений в бытийных предложениях. - Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения. XI*, Москва.
- Вольф Е.М., 1978, *Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков*, Москва.
- Вольф Е.М., 1985, *Функциональная семантика оценки*, Москва.
- Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Щеболева Н.Н., 1995, *Современный русский язык. Анализ языковых единиц*, Москва.
- Золотова Г.А., 1994, "Коммуникативная грамматика": идеи и результаты, "Русистика сегодня", N 3.
- Клобуков Е.В., 1980, *Семантика надежных форм в современном русском литературном языке (Введение в методику позиционного анализа)*, Москва.
- Матвеева Т.В., 1994, *Непринужденный диалог как текст. - Человек-текст-культура*, Екатеринбург.
- Науменко А.В., 1990, *Координаты локации ("субъект", "пространство", "время") в семантической организации газетного текста. Автореферат канд. дис.*, Харьков.
- "Русская грамматика" 1980, *Синтаксис*, т. II, Москва.
- Солганик Г.Я., 1984, *К проблеме модальности текста. - Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII-XIII*, Москва.
- Хрящева Н.П., 1996, *Семантика оценочных лексем при описании действия и ситуации. - Семантика языковых единиц. Доклады V международной конференции*, Москва.

On the Subjective-Modal Meaning of the Sentence Scheme $N_1 - V_f$

The article deals with subjective-modal meaning of the structural scheme $N_1 - V_f$ and its realizations. A speaker (a speaking observer) is present or implicated in each utterance. He/she is a source of subjective-modal meaning. The subjective-modal meaning has to be included into the semantic parameters of the sentence.

The article shows that the subjective-modal meaning of real sentences is dependant on how the subject and predicate of the sentence are expressed, on the way the sentence is extended, on the lexical and other factors.

The analysis of the material shows that the subjective-modal meaning appears to be one of the important language categories.